

*Трофимова Ольга Викторовна,
Товмасын Алла Арменовна, г. Тюмень*

ПОДЛЕЖАЩИЕ В РАССКАЗЕ «БЕЖИН ЛУГ» И. С. ТУРГЕНЕВА В СООТНОШЕНИИ С КАТЕГОРИЕЙ «СВОЕ — ЧУЖОЕ»

Аннотация. В статье рассматриваются функции подлежащих в структуре рассказа И. С. Тургенева «Бежин луг» из цикла «Записки охотника». Представлены результаты исследования лексико-семантических единиц, использованных в синтаксической роли подлежащих, в презентации «своего» и «чужого» для разных рассказчиков миров. Функционирование в художественном тексте одного из членов предикативной основы рассматривается с учетом типов текста, наблюдения проецируются на мнение литературоведов, изучающих творчество Тургенева.

Ключевые слова: «Бежин луг», И. С. Тургенев, подлежащее, структура текста, субъект речи, многоголосие.

Abstract. The article deals with various functions in Ivan S. Turgenev's short story *Bezhin Lea* from the cycle *A Sportsman's sketches*. The work is written on the basis of the differentiation of lexico-semantic units that perform the functions of the Subject. Observations about the role of one of the members of the predicative basis in this story are reinforced by quotes from scholars who study Turgenev's work.

Keywords: Bezhin Lea, Ivan S. Turgenev, Subject, structure of a text, speech subject, polyphony.

Рассказ «Бежин луг» из цикла «Записки охотника» И. С. Тургенева остается актуальным для научных исследований художественным текстом, о чем свидетельствуют, в частности, данные Научной электронной библиотеки eLIBRARY.ru, согласно которым в течение последних 20 лет предметом анализа становились категории времени и пространства, прошлого и настоящего; хронотопы дня и ночи; особенности пейзажа и его роль в структуре текста; образность и диалогичность рассказа, включая проблему поликультурного диалога; произведение рассматривалось как «универсальный образ русского мира» и как материал для изучения народной демонологической традиции, народной веры и народной грамотности, а также «символов региональной идентичности»; в круг объектов собственно лингвистического аспекта исследования входили имена собственные и диалектная лексика, синтаксического — предложения с присоединительными конструкциями. Цикл «Записки охотника» отдельными рассказами и во всей совокупности текстов входит в школьную программу по литературе, в связи с чем полагаем, что представленный ниже анализ синтаксической организации рассказа «Бежин луг» может быть полезен в методическом отношении для учителей-словесников.

Изучая особенности синтаксических структур в рассказах И. С. Тургенева, ученые часто обращают внимание на то, как построенные определенным образом предложения влияют на поэтичность произведений, а именно на их ритм, динамику, мелодику и т. д. В круг интересов филологов входит также выявление закреплённых за персонажами синтаксических конструкций-формул, которые раскрывают образы героев произведений. На наш взгляд, в цикле «Записки охотника» есть рассказы, рассмотрение синтаксической организации которых особенно наглядно «работает» на анализ художественной структуры текста. К таким рассказам относится «Бежин луг».

Исследователи, описывавшие структуру рассказа, сходятся во мнении о том, что в произведении можно выделить мир реальный и фантастический. По нашему мнению, в рассказе И. С. Тургенева «Бежин луг» [13] можно выделить также два уровня в категории «свое — чужое»: 1) мир рассказчика — мир деревенских мальчиков; 2) мир реальный — мир ирреальный/мир рассказов деревенских мальчиков. Мир рассказчика и мир деревенских мальчиков (за пределами принадлежащих им повествований) составляют реальный мир.

Рассмотрим особенности лексико-семантических единиц, выполняющих в лексико-грамматической структуре презентации каждого из перечисленных выше миров роль подлежащего, т. е. компонента предикативной основы — «одного из предметных имен при предикате» [3: 136],

играющего роль некоего «предмета предварительного знания» (в рассматриваемом случае — читательского знания, так как «для подлежащего типична функция темы» [Там же: 148]), или «исходного пункта высказывания», «отправной точки для передачи актуальной информации» [Там же: 146]. Намерение воссоздать окружающий мир в связном тексте (или его фрагмента — в отдельном предложении) в зависимости от положения субъекта речи (в нашем случае — рассказчика в рассказе «Бежин луг»), по воле которого то или иное (чаще конкретное) существительное становится в предложении тематическим или рематическим подлежащим, является тем триггером, тем «волевым усилием», о котором писал А. А. Шахматов:

... Подлежащее вызывает в нас только одно представление или один определенный комплекс представлений, не сопровождающиеся сами по себе представлениями о наличии или наступлении их в тех или иных условиях времени <...>, не соединенные с волевым усилием, направленным в приведение его в связь с другим представлением; сказуемое — это то слово двусоставного предложения, которое обозначает представление, сочетающееся с таким волевым усилием, которое приводит его в связь с представлением, выраженным подлежащим» [14: 160, 162].

Следовательно, изучая функционирование подлежащих в структуре связного текста, необходимо учитывать лексико-грамматические сигналы присутствия субъекта речи в каждой конкретной экстралингвистической ситуации, «конструируемой» посредством лексико-грамматического состава предложения. Представляется, что рассказ И. С. Тургенева входит в число художественных произведений, специфика которых проявляется в «многоголосии» субъекта речи, в полифоничности текста. Полагаем, что к нему можно отнести следующие слова М. М. Бахтина, характеризующие романы Ф. М. Достоевского:

Не множество характеров и судеб в едином объективном мире в свете единого авторского сознания развертывается в его произведениях, но именно *множественность равноправных сознаний с их мирами* сочетается здесь, сохраняя свою неслиянность, в единство некоторого события [1: 6–7].

Правда, особенность рассказа И. С. Тургенева состоит в том, что в нем есть «прочие», помимо рассказчика, субъекты речи — дети, устами которых рассказывается череда «страшных историй». Обратим внимание на следующие слова Ю. В. Лебедева: «Тургеневский рассказ не простой набор народных суеверий и легенд, не справочник по крестьянской демонологии, это живой художественный организм с очень динамичным, стремительно развивающимся сюжетом» [8: 69]. Наша задача в связи с этим — исследование того, как «дважды чужие слова» (рассказы мальчиков, пересказывающих слышанные ими от взрослых страшные истории) встраиваются в ткань художественного повествования рассказчика, сохраняя «свою конструктивную и смысловую самостоятельность, не разрушая и речевой ткани принявшего ее контекста» [2: 445].

Мир рассказчика. В начале произведения рассказчик рисует типичную картину русского жаркого июльского дня, от *утренней зари* до *вечерней звезды*, при этом субъектные подлежащие здесь имеют значение «носителя целой ситуации» [10: 477]:

Был прекрасный *июльский день*, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С самого раннего утра *небо* ясно; *утренняя заря* не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. *Солнце* — не огнистое, не раскаленное, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно лучезарное — мирно всплывает под узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится в лиловый ее туман [12: 86].

«Детализирующими» подлежащими (преимущественно конкретными существительными) здесь выступают слова, которые локально имеют отношение к небу: *заря, солнце, край облачка, лучи, светило, множество облаков, цвет небосклона, голубоватые полосы, дождь* и т. д. Как правило, подлежащие препозитивны, сказуемые преимущественно составные именные, в тексте преобладают качественные прилагательные и наречия — все эти признаки соответствуют описаниям с качественной, по Г. Н. Золотовой [6: 308], рематической доминантой. Картина предстает как бы

«со стороны», то есть описываемое пространство не заполнено персонажами и точка видения рассказчика не обозначена.

Описание дня сменяется описанием вечера, и в тексте далее метафорические подлежащие «*печать ... кротости*», «*вихри-круговороты*» (вследствие которых «*вы не чувствуете сырости*»), посредством отвлеченных существительных (*кротость, сырость*), свидетельствуют о смене типа текста: от описания отдельных «природных» субъектов — носителей статуального [7: 23] (что выражается, в частности, в использовании форм наст. времени несов. вида в позиции глагольных сказуемых: *разливается, не пылает, не темнеет, стоит, сеется, лежит, теснятся* и др.) и статуюально-динамического (*поднимается, хлынули, вошло, просияет, затеплится* и т. д.) признака — к обобщающему описанию того, что «*в такие дни... бывает...*»:

В такие дни краски все смягчены <...>; на всем лежит *печать* какой-то трогательной *кротости*. В такие дни *жар* бывает иногда весьма силен <...> но *ветер* разгоняет, раздвигает накопившийся зной, и *вихри-круговороты* <...> высокими белыми столбами гуляют по дорогам через пашню. <...> даже за час до ночи *вы* не чувствуете сырости. Подобной погоды желает *земледелец* для уборки хлеба... [12: 86–87]

Последнее предложение фрагмента разграничивает типы текста (описание и нарратив), мир природы и мир человека, а также мир труженика-земледельца, крестьянина, и мир барина-охотника.

Итак, прежде чем произойдет переход к сюжетному повествованию, в котором «встретятся» названные выше миры и будут перемежаться нарративы, принадлежащие разным субъектам речи (*я, Ильяша, Костя, Павел*), в ряд подлежащих вступают:

1) местоимение *вы* со значением ‘обобщенный читатель, адресат и потенциальный собеседник’, прямое упоминание которого (во вставной скобочной конструкции) находим в тексте: «*Из их разговоров я узнал их имена и намерен теперь же познакомить с ними читателя*» [12: 91]. Наличие *вы* «предсказывает» также дальнейший формат текста в виде глобального полилога мальчиков. Это гипертекстовое *вы* читателя обнаружит себя еще дважды: в середине и ближе к концу рассказа;

2) существительное *земледелец*. Это подлежащее, отличающееся своей «антропоцентрической» лексической семантикой (‘поселянин, крестьянин, мужик; сельский обыватель; хозяин, владелец; кортомщик, занимающийся хлебопашеством’ [4: 680], находится в рематической позиции, что свойственно текстовым фрагментам с предметной доминантой, функция которой — указание на бытие или появление предмета речи. Морфемный состав актуализированного в тексте слова *земледелец* фиксирует переход внимания повествователя, во-первых, от *неба* и природы в целом (в которой, тем не менее, есть *пашня*, что хотя бы косвенно «подразумевает» присутствие и деятельность человека) как предмета описания — к *земле*; во-вторых, от отдельных деталей «*кроткого*» пейзажа «самого по себе» — к человеку действующему и, как следствие, ожидающему и получающему «плоды» от своей деятельности («... для уборки хлеба...»). В формируемую таким образом тематическую группу «Человек» далее входят персонажи:

1) рассказчик-наблюдатель, охотник, ситуативный слушатель (представленный в тексте посредством исключительно личного местоимения *я*), «сюжетное» блуждание которого в, казалось бы, знакомой ему местности, но под ночным небом, по звездам, «*наудалую*», выводит его все-таки к «фабульной» встрече у костра,

2) мальчики *Федя, Павлуша, Ильяша, Костя* и *Ваня*. В отличие от их собак, которые «*еще долго не могли примириться с моим присутствием*», мальчики не очень интересовались заблудившимся охотником. Диалог между рассказчиком и мальчиками представлен в формате косвенной речи, что предполагает опущение какой бы то ни было формы обращения (и соответственно называния) мальчиков к появившемуся вдруг чужому взрослому человеку:

Я сказал мальчикам, что заблудился, и подсел к ним. Они спросили меня, откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили. *Я* прилег под обглоданный кустик и стал глядеть кругом. Картина была чудесная <...> [12: 90].

Описав далее детали этой картины и дав на ее фоне портреты мальчиков, рассказчик становится только остающимся до утра на одном и том же месте («под кустиком») наблюдателем и «транслятором» историй, которые звучат невдалеке у костра. Его немногочисленные действия, представленные глаголами восприятия, служат лишь «канвой» связного текста, состоящего из последовательности рассказов мальчиков (обратим внимание на синтаксический параллелизм предложений с анафорическим подлежащим я):

Итак, я лежал под кустиком в стороне и поглядывал на мальчиков <...>. Я притворился спящим <...>. Я невольно полюбовался Павлушей <...>. Думал я, глядя на него <...>. Я поглядел кругом: торжественно и царственно стояла ночь <...>. (Я сам не раз встречал эту Акулину <...>.) <...> Я открыл глаза: утро начиналось <...>. Я проворно встал и подошел к мальчикам. Они все спали как убитые вокруг тлеющего костра; один Павел приподнялся до половины и пристально поглядел на меня. Я кивнул ему головой и пошел восвояси вдоль задымившейся реки. Не успел я отойти двух верст, как уже полились кругом меня <...> — полились сперва алые, потом красные, золотые потоки молодого, горячего света <...>. Я, к сожалению, должен прибавить, что в том же году Павла не стало. Он не утонул: он убился, упав с лошади. Жаль, славный был парень! [12: 92–105]

Высказанная автором-рассказчиком в абсолютном конце текста оценка одного из персонажей-рассказчиков, *Павлуши, Павла* (упоминание которого в финальной сцене завершает сюжетное повествование, переходящее в описание пейзажа, как бы закольцовывающего текст), «переключается» с двумя другими его эмоциональными оценками («Малый был неказистый — что и говорить!») и «Что за славный мальчик!») и тоже связывает текст, но уже на «надсюжетном» уровне, на уровне связи мира суеверий («... водяной его <...> схватит да потащит к себе. Станут потом говорить: упал, дескать, малый в воду») и реального мира («Он не утонул: он убился, упав с лошади»). Обратим внимание также на связь сюжета с этимологией имени *Павел* — от латинского *paulus* ‘малый, небольшой’: в речи двух персонажей он — «малый», преимущественная, базовая его номинация в тексте — «Павлуша», а взрослым он так и не стал...

Вернувшись к подлежащему-существительному *земледелец*, укажем еще на одну его текстовую роль — служить «разграничителем» персонажей: «крестьянских ребятишек из соседних деревень, которые стерегли табун» — и рассказчика, заблудившегося «в такой точно день» (какие желанны земледелцу «для уборки хлеба»), но рассказчиком посвященный охоте за тетеревами. За эту удачную для него охоту («Я нашел и настрелял довольно много дичи...») рассказчику пришлось расплачиваться тем, что он едва не погиб, очутившись «над страшной бездной» (обратим внимание на нагнетание я-подлежащего в ситуации самостоятельного, но тщетного поиска рассказчиком дороги домой, в том числе и вследствие обмана зрения, вызванного наступлением ночи):

... Уже я с трудом различал отдаленные предметы; поле неясно белело вокруг; за ним, с каждым мгновением надвигаясь, громадными клубами вздымался угрюмый мрак. Глухо отдавались мои шаги в застывающем воздухе. <...> Что я было принял за рощу, оказалось темным и круглым бугром. «Да где же это я?» — повторил я опять вслух <...>. Странное чувство тотчас овладело мной. <...> сердце у меня сжалось. <...> Я поспешил выбраться назад на бугор. До сих пор я все еще не терял надежды сыскать дорогу домой; но тут я окончательно удостоверился в том, что заблудился совершенно, и, уже нисколько не стараясь узнавать окрестные места, почти совсем потонувшие во мгле, пошел себе прямо, по звездам — наудалую <...>. Я все шел и уже собирался было прилечь где-нибудь до утра, как вдруг очутился над страшной бездной [12: 88–89].

В структуре текстового фрагмента далее обратим внимание на резкую смену продолжающейся было препозиции тематических подлежащих я, холм — постпозитивными подлежащими два огонька, люди, тени, передняя половина головы — рематически бытийными, сюжетно «спасающими» рассказчика (самим своим существованием) в ситуации «над бездной», дающими ему надежду; их последовательность в тексте передает динамику взгляда рассказчика, движение «распознавание» им предметов спасительного реального мира, в котором живет человек:

Я быстро отдернул занесенную ногу и, сквозь едва прозрачный сумрак ночи, увидел далеко под собою огромную равнину. <...> Холм, на котором я находился, спускался вдруг почти отвесным обрывом; его громадные *очертания* отделялись, чернея, от синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, в углу, образованном тем обрывом и равниной, возле реки, которая в этом месте стояла неподвижным, темным зеркалом, под самой кручью холма, красным пламенем горели и дымились друг подле дружки *два огонька*. Вокруг них копошились *люди*, колебались *тени*, иногда ярко освещалась *передняя половина* маленькой кудрявой *головы*... Я узнал наконец, куда я зашел. Этот луг славится в наших околотках под названием Бежина луга... <...> Я решился подойти к огонькам и в обществе тех людей, которых принял за грузовщиков, дожждаться зари [12: 89].

Подлежащее *я* в последнем предложении фрагмента сопровождается составным глагольным сказуемым с модальным глаголом *решился* (во второй раз использованным рассказчиком; впервые — во фразе «... *вечерняя заря погасала*, <...> *когда я решился, наконец, вернуться к себе домой*» после удачной охоты. Однако немедленному исполнению этого желания воспрепятствовала *ночь*, которая «*росла, как грозовая туча*», с ее *летучими мышами*, *запоздалым ястребом* и *ночной птицей*, неясно белеющим *полем* и *угрюмым мраком* — так же субъектными подлежащими в тексте, но вывела-таки рассказчика к людям) и двумя субъектными инфинитивами *подойти*, *дождаться (зари)*, грамматическое «преобразование» которых в финитные формы прош. времени сов. вида (*подошел, дождался*) и составляет, собственно, последующий «состоявшийся» сюжет рассказа. Но между ними «поместилась» наполненная страшными звуками окружающего мира *ночь* — и несколько таинственных историй, рассказанных мальчиками; так на фоне костра с его *пламенем, языками и кружками света* (так же последовательно занимающими в тексте позицию подлежащего) произошла «встреча миров», «своего» и «чужого», «реального» и «демонического», значимая для творчества И. С. Тургенева, о котором Ю. В. Лебедев писал, что «все в нем движется от мрака к свету, от тьмы к солнцу, от загадок и тревожных вопросов к разрешению их» [8: 69].

Итак, ключевой особенностью подлежащих в части текста, до встречи с деревенскими мальчиками, является частотность использования в этой функции местоимения *я*. Мир рассказчика здесь сосредоточен вокруг *я*, зачастую несколько раз в одном (сложном) предложении:

«Эге! — подумал я, — да это я совсем не туда попал: я слишком забрал вправо» <...>. «Вот как только я выйду на тот угол, — думал я про себя, — тут сейчас и будет дорога, а с версту крюку я дал!» Я добрался, наконец, до угла леса, но <...> [12: 87].

Мир крестьянских мальчиков начинается с их портретов — в восприятии рассказчика. Можно сказать, что рассказчик оставляет читателя наедине с этим новым миром, миром деревенских мальчишек, так как далее *я* рассказчика практически исчезает из текста. Лишь несколько раз — когда дети молчат — рассказчик «напоминает о себе». Круг субстантивных подлежащих в этом типе текста — описании — ограничен именами мальчиков и названиями деталей портрета (в тематической препозиции): *волосы, губы, лицо, брови*... В этом мире людей значимыми становятся звуки: голос, лай, топот, крик — и их «производители»: *собаки, лошади, голубок, волки, цапля, пчелки, куличики* — так же занимающие (чаще — в рематической постпозиции) место подлежащего. В словах рассказчика, вводящих прямую речь мальчиков и реплики их диалогов, а также в нарративных фрагментах они представлены именами собственными, местоимениями *он, они, все* и существительными *мальчики, рассказчик*.

Мир рассказов крестьянских мальчиков. Примечательно, что и в своих рассказах мальчики редко используют местоимение *я*. Ведь, как правило, не они являлись очевидцами или участниками таинственных событий, не от их имени рассказываются вызывающие ужас истории. Только в первой истории, рассказанной Ильюшей (о котором сообщается, что он «лучше других знал все сельские поверья»), использовано *мы*, включающее субъекта речи, — «*мы с братом*», «*мы*» («*всех было нас ребяток человек десять*»), которые «*слышим*», «*дивимся*», «*всполохнулись*», «*напужались*»... Прочие информаторы — это *тятя, дедушка Трофимыч, старики, баба Ульяна*..., т. е. родные, знакомые, соседи — значимые в крестьянском детском мире взрослые.

Я-подлежащее в диалогах мальчиков чаще звучит в ответе на вопрос, включающий *ты*-подлежащее, например:

— Ну, и что же *ты*, так и видел домового?

— Нет, я его не видал, да его и видеть нельзя, — отвечал Ильяша <...> [12: 92].

В фантастическом мире «сельских поверий» в роли подлежащего часто используются местоимение *он, она*, а также *кто-то, тот, сама*, замещающие в связном повествовании как базовые «исходно-демонические» номинации-подлежащие *домовой, русалка, барашек, леший, домовой, враг, душегубец*, так и упоминания бывших живых людей: «*утопленник*», «*покойный барин*», «*Ивашка Федосеев* <...>, *тот, что умер весной*», «*Тришка* <...>, *который придет* <...>, *когда наступят последние времена*» и др. Кроме того, субъектными подлежащими становятся предметы: *доски, колесо, ступеньки, дверь, форма, крюк*, — которые вдруг сами начинают действовать. Живыми же участниками таинственных событий оказываются реальные, знакомые мальчикам надсмотрщик Назаров, приказчик, псарь Ермил, наш староста, старостиха, Кузькин отец Дорофеич, наш бочар Вавила... Персонажи мира поверий становятся, по крайней мере для мальчиков в эту необыкновенную ночь, составляющей частью их реального сельского мира, из которого кто-то (Аким-лесник, утонувший мальчик Вася) уже вроде и ушел в иной мир, но для кого-то (для проходившего «мимо бучила» Кости, для матери Васи Феклисты) — возвращается в этот сельский мир... Так в рассказе «Бежин луг» происходит количественное и качественное расширение художественного мира на уровне системы образов.

Помимо местоимений и имен собственных, в фантастическом мире, как и в реальном, в функции субъектных подлежащих выступают существительные таких тематических групп, как «Звуки», «Растения», «Животные и птицы» — следовательно, «декорации» обоих миров одинаковы, и разница только в том, какими существительными называются действующие в них субъекты, а также объекты — при этом лексический выбор всегда остается за субъектом речи. Подтверждения тому видим и на уровне мира рассказчика, когда рассеивается обман восприятия («*Что я было принял за рошу, оказалось темным и круглым бугром* <...>. *Я узнал, наконец, куда я зашел. Этот луг славился в наших околотках под названием Бежина луга...*»), и на уровне персонажей крестьянского мира, желающих обмануть нечистую силу («... *Кузькин отец, Дорофеич, вскочил в овес, присел, да и давай кричать перепелом: “Авось, мол, хоть птицу-то враг, душегубец, пожалеет”*»).

Обратим внимание на еще одну лексическую «границу миров» рассказа — на существительное *притча*, в частности на то, в какой последовательности значений оно толкуется в проекции на книжный — и народный, устный, русский язык, о чем свидетельствует сопоставительный анализ двух словарей — академического словаря 1847 г. и «живого великорусского» словаря В. И. Даля:

Притча, и, с. жс. 1. Церк. Мудрое изречение; апофтегма. <...> 2. Церк. Иносказательное повествование с нравоучительным выводом. <...> 3. Басня, аполог. <...> 4. Стар. Непредвиденный, нечаянный внезапный случай. <...> [11: 302];

Притка ж. или притча <...> (от *притекать, притечь* <...> случиться) и приток м. — нечаянность, внезапный, неожиданный случай, и притом дурной, несчастный; роковая помеха, нечаянная препона <...> || Порча или сглаз <...> || *Притча* — иносказание, иносказательный рассказ, нравоученье, поученье в пример, аполог, парабол, басня; или простое изречение, замечательное, мудрое слово, апофегма <...> [5: 452, 453].

Представляется, что в структуре рассказа «Бежин луг» слово *притча* в первую очередь имеет «старинное», или «народное», значение «непредвиденный случай», правда, для рассказчика не ставший «дурным, несчастным». Собственно, и для Павла «несчастный случай» произошел «за пределами» сюжетного повествования, но все-таки произошел... Возможные же выводы о том,

в какой степени составляющие значительный пласт рассказа истории-суеверия можно считать *баснями* или *мудрым словом*, по нашему представлению, требуют дополнительного изучения текста.

В то же время в «прямой» речи рассказчика слово притча использовано скорее в значении, которое в современной разговорной речи используется как переносное («2. *перен.* О непонятном, труднообъяснимом явлении (*разг.*). *Что за п.?*» [9: 534]): «*Что за притча?.. Да где же я?*»

В одном из своих писем, адресованных С. Т. Аксакову, И. С. Тургенев писал о слиянии различных граней мира в нечто единое, целостное:

Как из этого разъединения и раздробления, в котором, кажется, все живет только для себя, — как выходит именно та общая, бесконечная гармония, в которой, напротив, все, что существует, — существует для другого, в другом только достигает своего примирения или разрешения — и все жизни сливаются в одну мировую жизнь, — это одна из тех открытых тайн, которые мы все видим и не видим [12: 115-116].

Мы полагаем, что результаты проведенного нами исследования, представляющего собой один из вариантов аналитического чтения, в определенной мере помогли приоткрыть эту тайну.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. Изд. 4-е. — Москва : Советская Россия, 1979. — 320 с. — Текст : непосредственный.
2. Бахтин, М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи / М. М. Бахтин. Москва : Лабиринт, 2000. — 640 с. — Текст : непосредственный.
3. Белошапкова, В. А. Современный русский язык. Синтаксис : учебное пособие / В. А. Белошапкова. — Москва : Высшая школа, 1977. — 248 с. — Текст : непосредственный.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. Т. 1. — Москва : Русский язык, 1989. — 700 с. — Текст : непосредственный.
5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. Т. 3. — Москва : Русский язык, 1990. — 556 с. — Текст : непосредственный.
6. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. — Москва : Наука, 1972. — 368 с. — Текст : непосредственный.
7. Золотова, Г. А. Синтаксический словарь : Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. — Москва : Наука, 1988. — 440 с. — Текст : непосредственный.
8. Лебедев, Ю. В. «Записки охотника» : Пособие для учителя / Ю. В. Лебедев. — Москва : Просвещение, 1977. — 78 с. — Текст : непосредственный.
9. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. — Москва : Русский язык, 1981. — 816 с. — Текст : непосредственный.
10. Русская грамматика / гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. 1. — Москва : Наука, 1980. — 784 с. — Текст : непосредственный.
11. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Императорской Академии наук. Репр. изд. : в 2 кн. Кн. II. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2001. — 1092 с. — Текст : непосредственный.
12. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : В 30 т. / И. С. Тургенев ; редкол.: М. П. Алексеев (гл. ред.) и др. ; ИРЛИ. 2-е изд., испр. и доп. Т. 3. Записки охотника, 1847-1874 / статья М. П. Алексеева и др., с. 399-446; примеч. А. Л. Гришунина и др.]. — Москва : Наука, 1979. — 526 с. — Текст : непосредственный.
13. Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма. В 18 т. / И. С. Тургенев. АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом); редкол.: М. П. Алексеев (гл. ред.) и др. — М. : Наука, 1986. — Т. 2. Письма, 1850-1854 / тексты подгот. и примеч. сост. А. И. Батюто и др. — 623 с. — Текст : непосредственный.
14. Шахматов, А. А. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. — Москва : Учпедгиз, 1941. — 620 с. — Текст : непосредственный.